

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

Варвара Еналь

#КАРТА ИОКО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е61

Варвара Еналь
Карта Иоко

Еналь, Варвара.
Е61 Карта Иоко : роман / Варвара Еналь. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 416 с. — (ONLINE-бестселлер).

ISBN 978-5-17-111117-5

София считает себя невезучей. Ее лицо портит отвратительное родимое пятно. Она живет с мачехой, которая настраивает отца против дочери. Она влюблена, но ей не отвечают взаимностью.

В один особенно неудачный день к Софии попадает карта, с помощью которой можно вызвать черного колдуна Иоко. Если верить легенде, колдун способен дать ответ на три любых вопроса. Древняя магия срабатывает, но София совершает ошибку, и Иоко забирает ее в страну Безвременья, чтобы доставить к своему таинственному Хозяину.

В чужом и жутком мире, населенном призраками и чудовищами, смерть поджидает за каждым поворотом. Главное – не сходить с синей дороги...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111117-5

© В. Еналь, 2017
© Shutterstock, Inc., фотография на обложке, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ГЛАВА 1

1

Тот день с самого начала выдался неудачным. Иногда так бывает — с утра не заладится, и дальше начинаются сплошные неприятности.

Собираясь в школу, я обнаружила, что не могу найти наушники. Осмотрела все ящики в столе, поискала под кроватью, откатила стул от компьютера. Даже под шкаф залезла и заглянула в старые кеды — вдруг туда завалились.

Все напрасно. Новые вакуумные наушники ярко-красного цвета будто испарились. Я, конечно, так легко сдаваться не собиралась и попробовала вспомнить, где же видела их в последний раз. На ум приходил только вечерний поход в магазин за хлебом и печеньем. Это было около девяти вечера, солнце почти село, и в серых сумерках так хорошо звучали композиции Пентатоникса и Адама Ламберта.

Когда рассчитывалась на кассе, пришлось сунуть наушники в узкий карман джинсов. Может, кто-то стащил их, а я и не заметила?

У кассы я встретила подругу, Нику Лескову, и она принялась трещать без умолку, как будто за целый день не могла ни с кем и словом перекинуться. Она рассказывала о сериале «Сверхъестественное», который тянется вот уже несколько лет и все никак не закончится, о том, как долго красила утром ресницы и внезапно заметила, что один глаз больше другого, как писала сложное изложение по русскому — другими словами, несла полную чушь.

Мне оставалось только слушать и вежливо поддакивать, потому что Ника не давала и слова вставить в свой бессмысленный монолог.

Вот тогда, видимо, когда я отвлеклась на Нику, мои наушники и пропали. Может, вывалились, а может, кто и утащил.

И что самое обидное — своих денег у меня не будет, как минимум, еще две недели. Отец не даст, а мама присылает только раз в месяц, и до ее перевода надо ждать как раз дней четырнадцать-пятнадцать. Придется ходить без музыки. Ну, разве это справедливо?

А с утра еще и мачеха раскричалась. Почему это я не помыла посуду, и что за крошки на столе? Как будто я одна завтракала. Я вообще хлеб не ем, и тем более с маслом. Я завтракала молочной кашей, а крошки оставил отец, когда спешил на работу.

Только отцу она почему-то ничего не говорит, только щебечет вокруг него — дорогой да дорогой...

Слушать противно.

Зато я всегда оказываюсь грязной лентяжкой и жуткой копушей.

Мне, конечно, нетрудно вымыть после себя тарелку и кружку, это же пустяки на самом деле. Но сейчас я уже потратила время на поиски наушников и большая стрелка на моих ручных часах упрямо ползла к цифре шесть, а это значит, самое время шнуровать кеды, вешать на плечо рюкзак и бежать в школу. Иначе могу опоздать.

А мачеха все не унималась. Встала в коридоре около обувной тумбы и едко поинтересовалась:

— Значит, грязную посуду мне оставляешь? Или кто, по-твоему, должен ее мыть? Может, тетю Клаву позвать с первого этажа?

Каждый раз она начинает нести какой-то бред.

— Что молчишь?

— В школу опаздываю, — бросила я в ответ, поднялась, сунула в карман телефон без наушников и выскочила за дверь.

Я не ругалась с мачехой — или с Олей, как я называла ее в глаза. Я вообще не умела ругаться. В самые напряженные моменты язык у меня словно прилипал к нёбу, а в голове становилось пусто и гулко. И ни одной умной фразы не придумывалось, только щеки горели и слезы наворачивались на глаза. Другими словами, когда надо было с умным видом сказать какую-нибудь гадость, я принималась рыдать, икать, краснеть — то есть вела себя как полная идиотка.

Поэтому и в тот день я просто выскочила за дверь и бегом спустилась по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Ничего, помоет Оля свою посуду, не переломится. Все равно сидит дома и ничем серьезным не занимается, только водит по всяким кружкам и песоч-

ницам своего сына — моего младшего сводного брата Валерку. Ему едва исполнилось четыре года, противный такой маленький нытик, которого постоянно баловали, все ему разрешая.

Но Оля видела в нем кучу разных талантов и просто захлебывалась похвалами.

«Валерик потрясающе рисует, ты посмотри, Витя! Валерик очень тонко чувствует музыку, видишь, как двигается! У Валерика наверняка высокий ай-кью, он сегодня собрал целый пазл из десяти деталей».

Витя — это мой отец.

На самом деле особых талантов у моего брата не наблюдалось — на мой взгляд, конечно. Практически все дети умеют рисовать головастых человечков с ручками-палочками, солнышко с лучиками и кривые машины с овальными колесами. Про пазлы я вообще молчу — Валерка часами тупо сидел над ними, и в итоге Оля складывала за него половину картинки. Все собранные братом пазлы клеились на кусочки оргалита, вставлялись в рамку и оказывались на стенах коридора и кухни, так что куда бы я ни взглянула, всюду натыкалась на творчество младшего братца.

Зато моих картин Оля не вешала нигде, хотя я уже третий год училась в художественной школе, занимала призовые места на городских художественных конкурсах и каждый год рисовала плакаты в школе на всякие праздники и мероприятия.

Оля считала, что это обычное дело, когда школьница чем-то занята.

Все лучше, чем сидеть на скамейке с бутылкой пива, так что пусть лучше рисует. Девочка она ленивая и медлительная, рисование очень подходит ей по характеру.

Может, станет художником-оформителем, когда вырастет. Будет оформлять витрины в магазинах, это сейчас востребовано.

Такие речи я частенько слышала по вечерам из комнаты отца и мачехи. Я не подслушивала — просто Оля никогда и не скрывала, что терпеть меня не может. Потому что я — чужой ребенок, не ее доченька. У нее есть сын, и этого ей вполне достаточно.

Я не обижалась, потому что слышала подобное с детства и успела привыкнуть. Моя настоящая мать ни одного дня не жила с моим отцом. У них была случайная связь, когда они учились в одном институте в одной группе. От этой связи моя мама забеременела, и оказалось, что ждет двойню.

К тому времени когда родились мы с сестрой, мама познакомилась с человеком, который предложил ей выйти за него замуж, несмотря на двух малышей, и после свадьбы увез маму и сестру в Америку, где у него жил и работал брат. Вот так мама и оказалась на другой стороне планеты.

Отец сначала воспротивился тому, чтобы мама увозила его детей. Мы с сестрой носили его фамилию и были записаны на него — он оформил документы по усыновлению. А потом они с матерью, договорившись, поделили детей. Я досталась папе, а сестра Юля, которую теперь называют Джулией, улетела на Запад.

Вот так и вышло, что сестру и мать я видела только на снимках в «Фейсбуке» и во «ВКонтакте» и общалась с ними по скайпу.

Я не обижалась, понимая, что вообще отличаюсь потрясающей невезучестью и по-другому просто быть не могло. Возможно, когда мы с Юлькой были еще

в материнском чреве и добрые феи раздавали нам судьбу, на мне эти волшебницы решили сэкономить и выделили только крохотный кусочек удачи. А может, и его не выделили.

Ольга, когда злилась на меня, всегда кричала, что понимает, почему даже родная мать от меня отказалась. Вслух она не произносила самого главного, хотя все в доме понимали, что она имела в виду.

На самом деле я — уродина. И отец взял меня из милости. Я к этому привыкла, знаю, что папа любит меня и жалеет, но ему приходится много работать и у него есть жена — моя мачеха Ольга. И он обязан уделять ей внимание.

Есть и маленький сын, с которым надо заниматься, читать книжки, смотреть мультики и собирать лего. И потому на меня времени вообще нет. Да, может, ему и не нравится смотреть на мое лицо и вспоминать, что однажды у него была случайная связь со студенткой... Возможно, он жалеет, что не воспользовался презервативом, или представляет, какой была бы его жизнь, если бы моя мама забрала с собой обеих девочек.

Не знаю. Вслух они ничего такого не говорили, конечно же. Но иногда я его понимаю.

У меня отцовские глаза — серые, с темным ободком вокруг радужки и темно-русыми ресницами. И его брови — четкие прямые линии, подчеркивающие глаза. Прямой нос с тонкими ноздрями, круглый подбородок, более нежный и мягкий, чем у отца. Небольшие уши, красивая тонкая шея. В общем и целом я была бы вполне симпатичной девчонкой, если бы не родимое пятно на левой щеке.

Как безобразный коричневый континент, оно расплзлось в самом центре и возле уха заканчивалось

небольшой родинкой — финальной точкой. И каждый, кто смотрел на меня, видел прежде всего это пятно. Оно бросалось в глаза, буквально кричало о себе и, словно дьявольская отметина, вычеркивало меня из списка нормальных, обычных людей. Оно делало меня особенной. Необычной. Странной.

Особенной — необыкновенной уродиной.

Сколько я уже слышала в свой адрес разных «комплиментов», не сосчитать. Я к ним привыкла, даже научилась не обращать внимания на трехлеток, тыкающих в меня пальцем и спрашивающих у своих мам, а что это у девочки за грязь на лице.

Я научилась не замечать пристальных любопытных взглядов разных бабушек, которые иногда принимались давать чудесные советы — помазать соком чистотела, пойти в полнолуние на перекресток и кинуть за спину хлебный мякиш, перемешанный с паучьим пометом, поцеловать на кладбище самую заброшенную могилку и тому подобное. Один раз даже посоветовали пописать на лицо. Интересно, как надо исхитриться, чтобы совершить столь умное действие?

Я перестала отворачиваться, краснеть и плакать по ночам. Впрочем, что же я вру? По ночам иногда плачу, но уже не так горько и надрывно. Я смирилась с тем, что я — уродина.

Меня грела сокровенная мечта: вырасти, накопить денег и убрать уродство со своего лица, чтобы стать нормальным человеком, таким, как все, стать частью человеческого общества, какого-нибудь коллектива, иметь настоящих друзей, которым была бы интересна я сама, а не возможность списать у меня домашнее задание и получить подсказку на самостоятельной работе.

А пока что я жила в собственном мире — одна со своими рисунками. Их было очень много, и разных. Я рисовала каждый день. В то время как мои ровесницы встречались с мальчиками, ходили в кино и кафешки или просто зависали во дворах, играя в карты или катаясь на великах, я часами просиживала за письменным столом у себя в комнате, создавая свои особенные миры.

Некоторые мои картины оказались пророческими, но об этом чуть позже. Потом.

Сначала хочу рассказать о дне, когда все началось.

2

В то утро на меня валились сплошные неудачи. Едва я оказалась на первом этаже нашего дома, как под ноги мне кинулось что-то мохнатое и черное. Я споткнулась и едва не полетела вниз носом вперед, и если бы все же грохнулась, наверняка угодила бы переносицей в ребро ступеньки.

Я чудом удержалась, вцепившись в перила и чиркнув локтем по белой стене, оглянулась и увидела черную кошку Машку, которая, запрыгнув на почтовые ящики, смотрела на меня так, словно хотела упрекнуть в неловкости.

Вы верите в плохие приметы? Ну, в то, что черные кошки приносят неприятности?

Вот и я не верила, и потому не обратила на Машку никакого внимания. Если бы я знала тогда, чем все закончится, точно вернулась бы домой, вымыла посуду и заявила бы, что болит голова и мне нездоровится.

Но тогда я ни о чем не догадывалась.

В тот день само мироздание предупреждало меня, что надо быть осторожной и внимательной, только я не услышала его.

Уроки в моей школе начинались ровно в восемь, а сейчас было без двадцати — время, когда я выхожу из подъезда. До моей школы рукой подать и даже ближе — плюнешь с балкона и попадешь в школьный двор. На уроки я, на самом деле, никогда не опаздывала, мне хватало и пяти минут, чтобы добежать до класса.

Дело было не в уроках, а совсем в другом. Обычно я задерживалась ненадолго возле многочисленных киосков, где продавали булочки, колбасы, йогурты и сладкие сырки. Заодно покупала себе что-нибудь перекусить на обед — например, «Данон», обезжиренный, в пластиковой бутылочке, или «Чудо» с кусочками персика. Йогурты я особенно любила в те времена.

Игорь появлялся тут без пятнадцати восемь. В этом году он старался не опаздывать — выпускной класс все-таки. Он переживал из-за оценок, из-за предстоящих тестов и уже сейчас скрупулезно подсчитывал сумму баллов в будущем аттестате.

Игорь собирался поступать на юридический факультет.

Мы с ним не созванивались и не договаривались о встрече, потому что нас ничто не связывало — мы не встречались и он не был моим бойфрендом. Наши отношения скорее можно было назвать просто дружбой, но я и этому радовалась. Я дружила с ним еще с начальных классов.

Так вышло, что сначала мы сидели за одной партой, потом он пересел, но по-прежнему временами шутил

со мной, перебрасывался парой общих фраз и — что самое главное! — ни разу не обозвал пятнистой, меченой, страхолодиной или Миской (моя фамилия Мисникова, и последнюю пару лет в классе меня называли не по имени, а дурацкой кличкой Миска).

Каждый день я старалась выйти пораньше, чтобы встретить его у киосков, сделав вид, будто это случайно, будто просто покупаю для себя йогурт (а так оно и было, в общем-то), и вместе с ним дойти до школы. В эти считанные минуты мы бывали только вдвоем и могли спокойно поговорить.

Больше такого времени мне не выпадало, а редкие шуточки во время перемен, когда Игорь устраивался за партой или смеялся вместе с Женькой Лошковым, сидевшим рядом с ним, были общими и ничего не значащими.

Утром по дороге в школу мне казалось, что сейчас наше время и Игорь принадлежит только мне. Короткие минуты самообмана, но такие милые, что я регулярно выскакивала за дверь без двадцати восемь и протаптывала асфальт у киосков, выглядывая любимого парня.

Ну да, Игорь был моей первой любовью, грустной и сладкой одновременно. Мне все в нем нравилось: и голубые глаза с серыми точками, и тонкие губы, и решительно вздернутый нос. И его манера смотреть с легким прищуром и поднимать уголки губ в улыбке, его торчащая кверху челка и светлые рубашки в тонкую полоску тоже нравились.

Я узнавала его походку издали, обожала его манеру держать ручку тремя пальцами, млела от его низкого хриплого голоса, который звучал для меня самой желанной музыкой.

В то неудачное утро Игорь появился вместе с Кристиной, моей одноклассницей. На самом деле я знала, что они встречаются, ходят вместе в кино и сидят в кафешках и много раз рассматривала их совместные фото во «ВКонтакте». Я не питала ложных иллюзий, но все-таки дорожила нашей незатейливой дружбой. И потому не желала делить дорогу до школы с Кристиной.

А та, увидев меня, скорчила мину — мол, а эта что тут делает? Зато Игорь весело улыбнулся мне.

— Привет, София, — сказал он. — По тебе можно часы сверять.

Я тоже улыбнулась в ответ и помахала рукой.

— Сочинение написала? — снова спросил Игорь и принялся рассуждать о неверных методах обучения, которые применяет наша русичка.

Обычно я старалась идти с правой стороны от Игоря, ведь родимое пятно у меня находилось тоже на правой стороне. Просто не желала сиять перед его глазами своим уродством. Хотя это, конечно, и глупо.

Привычка держаться справа от собеседника, чтобы прятать свое пятно, уже засела в моем подсознании, и я всегда невольно старалась скрывать его и не маячить перед людьми. Даже умудрялась на уроках у доски отвечать, стоя боком, повернувшись правой стороной к доске.

В то утро справа от Игоря шла Кристина. Она держала его за руку, хлопала густо накрашенными ресницами, поправляла милый рюкзачок на плече и не собиралась никому уступать место. Поэтому я поплелась сзади, ведь больше мне ничего не оставалось.

Разговора с Игорем в то утро не получилось. Мы с ним оба увлекались творчеством Стивена Кинга,